

Разнообразие мнений, различие точек зрения на бурные события городской истории; взгляд на Флоренцию со стороны, с окружающих холмов, а также изнутри, с площадей и улиц, глазами своих и глазами иностранцев — из всего этого разногласия складывается некая противоречивая целостность, вторая преображенная реальность, обогащающая строгий исторический облик этого города Возрождения — первого европейского города Нового времени.

Круглые даты, отмечающие конец одного столетия и начало нового, обладают особым, завораживающим смыслом — не только для современников, переживающих этот рубеж веков, но и для историков, об этом рубеже пишущих.

Вопрос о начале итальянского Возрождения в последнее время становится все более спорным. Это для нас. Для самих итальянцев XV в., прежде всего для флорентинцев, началом был 1400 г., он был окрашен острым ощущением совершившегося перелома от старых времен к новому времени. И хотя термин Возрождение был произнесен значительно позднее, восприятие с в о е г о времени как нового, самое ощущение новизны осознавалось очень ярко.

Новое время действительно наступило в начале столетия, наступило прежде всего во Флоренции, и флорентинцы с гордостью осознавали свою историческую миссию. Конечно, многие явления, определяющие социальную и культурную жизнь Флоренции XV в., возникли еще в предыдущем столетии. Активная деятельность по благоустройству города, создание специальной комиссии, которая ведала

всеми строительными работами, расширение и выпрямление главных улиц, расчистка площадей, меры по улучшению санитарного состояния города — все это началось уже со второй половины треченто. Особый тип олигархической республики, характеризующий Флоренцию эпохи кватроченто, также сложился не в 1400, а в 1382 году, после восстания Чомпи. Эти даты важны для историка; но, может быть, не менее важно, когда именно перемены были замечены и осознаны самими гражданами Флоренции, когда впервые они удивились им, удивились сами себе, когда это удивление было сформулировано в словах, описано, произнесено вслух и тем самым стало фактом не только истории, но и культуры.

Пятнадцатый век был звездным веком Флоренции, веком, когда она вышла на подмостки европейской истории, блестяще сыграла роль нового города, противопоставив себя «вечному городу» Риму, исторический авторитет которого заключался в его древности, неизменности. Флоренция, напротив, служила моделью современного города, города «нашего времени», времени, пришедшего на смену «варварскому» средневековью, времени открытий, перемен, изобретений (инвенционе), времени переделывания, как выражались в ту пору. Времени, равного которому не знала история, — как утверждал Альберти, вернувшийся после изгнания в свой родной город в 1434 г.

Хронологические параметры расцвета Флоренции были четко маркированы в сознании современников. Начало столетия было обозначено двумя важными для города событиями. Первым было избавление от «черной смерти», чумы, подступившей к Флоренции в 1400 г.: «...Был очень сильный мор в городе и окрестностях; только в городе от него умирало 300-400 человек каждый день; <этот год> называли годом Белых, ибо множество мужчин и женщин всех состояний облачались в белые льняные одежды и устраивали длинные процессии в 40 и 50 и 60 тысяч человек, и это продолжалось многие месяцы...»¹, — записывает в своей памятной тетради Джованни Ручеллаи. И хотя эпидемии были и раньше, да и позднее, на протяжении всего XV столетия с регулярными промежутками почти каждые десять лет, тем не менее особенно запечатлелась в памяти именно чума 1400 г., возможно потому, что пришлась она на самый рубеж веков, и избавление от нее совпало с началом «новых времен».

Вторым не менее важным событием было избавление от серьезной опасности захвата города войсками миланского герцога Джангалеаццо Висконти, внезапная смерть которого в 1402 г. неожиданно

разрешила опасную ситуацию. «И если бы не его внезапная смерть, — комментирует Джованни Ручеллаи, — наша свобода, как считают, была бы под большой угрозой»². Висконти подчинил своей власти Болонью, Пизу, Лукку, Сьену и Перуджу. Судьба Флоренции висела на волоске; война с Миланом рассматривалась как борьба с тиранией за свободную, республиканскую Флоренцию.

В специальной литературе высказывалось предположение, что украшение бронзовыми рельефами вторых дверей Баптистерия могло рассматриваться как благодарственная жертва за это двойное чудо и что именно этим объясняется выбор сюжета для конкурсного рельефа 1401 г. — «Жертвоприношение Авраама». Во всяком случае, этот конкурс, объявленный в первый год XV столетия, приобрел в сознании флорентинцев особую значимость. Его связывали с началом творческой биографии Филиппо Брунеллески — главы первого поколения художников-новаторов, создателей искусства «невиданного и неслышанного» (Альберти), легендарного строителя соборного купола — архитектурной сенсации века.

В атмосфере эйфории первых лет кватроченто у флорентинцев складывается сознание исключительности своего города.

В 1403 г. Леонардо Бруни сочиняет «Похвалу городу Флоренции», прославляя ее как самый совершенный из всех городов: «В ней нет ничего беспорядочного, ничего неуместного, ничего неразумного, ничего необоснованного; все имеет свое место, и не только строго определенное, но и подходящее и необходимое <...> А что сказать о множестве народа, о великолепии зданий, об украшенности церквей, о невероятной и удивительной чистоте всего города»³. Говоря об упорядоченности, разумности, мере, Бруни имеет в виду не только и не столько архитектурное благоустройство города, но также его государственное благоустройство.

В 1404 г. у Калуччо Салутати эта похвала приобретает общеитальянский размах: «Цветок Тосканы, зеркало Италии»⁴, — называет он Флоренцию, к началу XV в. претендовавшую на роль одного из главных, если не главного, городов Италии. Более того: «Какой город, не только в Италии, но во всем мире, более безопасно расположен в своем кольце стен, более великолепен своими дворцами, более украшен храмами, более красив своими постройками, более внушителен своими воротами, более богат площадями, широкими улицами, более обильно населен жителями, более славен своей гражданственностью, обладает столь неисчерпаемыми богатствами?»⁵

Флоренция гордится своей гражданственностью, своими политическими и социальными порядками. Именно с начала XV в. флорентинцы настаивают на республиканском происхождении своего города⁶.

Так определяется начало эпохи.

Конец ее отмечен кострами на площадях — теми «bruciamanti delle vanità», на которых монах Джироламо Савонарола сжигал книги — Данте, Петрарки, Боккаччо, сжигал «непристойные» картины, скульптуры, рисунки, гравюры, а также, по словам одного из современников, «множество сладострастных предметов, зеркала, женские волосы, карты, шахматные доски <...> различные благовония и всяческие вещи подобного рода, возбуждающие похоть»⁷. Сжигал светскую культуру кватрочентистской Флоренции. Конец эпохи ознаменован и тем костром, на котором Флоренция сожгла в 1498 г. труп самого Савонаролы. Это был акт самосожжения города, и многие флорентинцы — во всяком случае представители ее гуманистической элиты — усматривали в этом возвращение к временам «варварского» прошлого.

Вера в республику, настойчивая, даже скорее упрямая, сохранялась во Флоренции на протяжении всего XV в. И это несмотря на разочарование, критику, не умолкавшую вплоть до конца столетия. Критические высказывания звучат уже у Леонардо Бруни в его сочинениях, написанных после ранней «Похвалы». И все же восторженные хвалы не умолкают, эстафета передается от автора к автору, от поколения к поколению, творя и поддерживая миф о Флоренции — самом прекрасном и самом совершенном из городов.

«Флоренция чрезвычайно восхищает меня. В самом деле, это город, который не может пожаловаться на недостаток великолепных зданий, на недостаток великих и богатых граждан», — пишет в 1427 г. в одном из писем прибывший во Флоренцию Филельфо⁸. «Я всегда восхищался этим замечательным и славным городом, который я считаю одним из трех величайших в мире», — вторит ему в 1429 г. Филиппо Бальдуччи⁹.

И даже в самом конце столетия (1492) Кристофоро Ландино, несколько изменив тональность, продолжает восхищаться своим городом и своим временем: «Хвала нашему веку, как Золотому веку, который порождает золотые дарования»¹⁰.

После социальных и политических бурь XIII–XIV вв. в XV наступает относительная стабильность, во всяком случае жизнь города ук-

ладывается в рамки институций, защищавших общество от радикальных перемен и ограничивавших властные притязания правящих семейств. Флоренция научилась лавировать, любой ценой сохраняя республиканские формы правления. «Наш город — это самое важное, и для его благополучия должно быть сделано все возможное, чтобы сохранить для потомков все то, что мы получили от наших предков» [Ринальдо Джанфильяцци, 1413]¹¹. «Нет войны опаснее гражданской, для предотвращения ее следует употребить все усилия» [Сакетти, 1458]¹². Это голоса современников.

Номинально на протяжении столетия во Флоренции функционировали все республиканские формы управления, весь его разветвленный аппарат.

Верховным органом власти считался «парламенто» — собрание всех граждан мужского пола начиная с 14 лет. Парламент собирали на площади перед палаццо Синьории звоном большого колокола, висевшего на высокой сторожевой башне палаццо. Колокол назывался Вакка-корова, у него был очень низкий звук, похожий на мычание коровы. «Корова замычала», — кричали горожане, побросав все свои дела и сбегаешь на площадь. В важных случаях — военной опасности или государственного кризиса — парламент принимал решение создать Чрезвычайную комиссию (балія), которой вручалась на определенный срок полнота власти для разрешения кризисной ситуации.

Исполнительная власть осуществлялась приорами — всего 8 человек, по два от каждого из четырех районов (или, как их называли, кварталов) Флоренции. Приоры избирались сроком на два месяца. На эти два месяца они переселялись в палаццо Синьории, где жили на полном обеспечении, обладая личной неприкосновенностью, имели слуг и личную охрану — но денежного вознаграждения за свою службу не получали. Восемь приоров составляли синьорию, которая возглавлялась гонфалоньером (знаменосцем) правосудия, считавшимся «первым среди равных».

Высшую судебную власть осуществлял подеста́ (верховный прокурор), военачальником был капитан. На обе эти должности, как правило, приглашали иногородних, т. е. лиц, не втянутых в соперничество различных общественных группировок или отдельных представителей враждующих фамилий.

Кроме парламента, где вопросы решались простым криком, существовал еще Верховный совет, избиравшийся сроком на 6 месяцев и состоявший из двух палат: Совет Народа — 285 человек, представи-

тели цехов (всего их было 21) и Совет коммун, т. е. представители городских кварталов (районов) — 208 человек. Любой законопроект должен был получить одобрение отдельно в каждой из двух палат. Реальное управление осуществлял огромный штат государственных чиновников — инспекторов, контролеров, наблюдателей, советников по разным вопросам; они также выбирались на короткие сроки — не более четырех месяцев. Всего во Флоренции в XV в. было около 60 тыс. жителей. Быстрая сменяемость выборных должностей приводила к тому, что через управленческий аппарат в той или иной форме проходило в год более 3000 человек, плюс 600 полицейских, следивших за порядком в городе, главным образом в ночное время, и групп содействия полиции, формировавшихся из представителей цехов. Практически все, или во всяком случае подавляющее большинство горожан, достигших определенного возраста и имущественного ценза, были вовлечены в общественную деятельность. Это несомненно способствовало формированию гражданского самосознания и политической активности.

Флорентинцы были чрезвычайно привержены разным формам гражданского контроля, создавали множество различных комиссий — светских, городских, которые вмешивались даже в дела церковные.

Так, в 1400 г. приоры пишут письмо настоятелю одного из монастырей, расположенных в окрестностях Флоренции, в котором они решительно протестуют против рубки на продажу леса, находившегося во владениях монастыря, называя это вандализмом, поскольку деревья были посажены их предшественниками «для утешения отшельников и на радость посетителям монастыря»¹³.

Особенно пристально комиссии следили за всем, что касалось городского благоустройства. Одна из них называлась «Комиссией по башням и домам репрессированных». Она давала разрешение на снос архитектурных сооружений, утверждала участки для нового строительства, устанавливала высоту фасадов, красную линию улиц. Она ведала также перераспределением жилплощади в городе: дома и дворцы семейств, выславшихся Синьорией из Флоренции, поступали в ведение города, продавались другим семействам или использовались для общественных нужд.

Модель гражданского устройства, созданная во Флоренции, в полном объеме осуществлялась лишь в идеале. Это была форма желаемая и провозглашаемая в качестве нормы; в реальной жизни за

этим идеальным фасадом кипела политическая борьба за власть между представителями семейств Альбицци и Медичи.

Альбицци и их приверженцы держались консервативной ориентации, они опирались на наиболее богатую часть флорентинского населения. Медичи, банк которых был самым влиятельным и имел филиалы по всей Италии и в Европе, покровительствовали более широким слоям средних и мелких ремесленников и торговцев (*popolo minuto*).

В 1427 г. Джованни Медичи удалось добиться в Синьории принятия закона о прогрессивном налоге с имущества — *Catasto Cittadini*. «В 1427 обсуждалось во Флоренции, в совете решение о введении кадастра <...> этим кадастром народ был доволен, но многие, имевшие большие богатства, были разорены, потому что на самом деле этот закон был таким, что он причинял больше ущерба крупным состояниям, чем людям со средним и мелким достатком», — записывает в своем дневнике Джованни Ручеллаи¹⁴. Инициатор закона — Джованни Медичи, чтобы подать пример, первым внес налог со своего огромного состояния. Это обеспечило семейству Медичи еще большую популярность среди средних и бедных слоев населения, но вызвало недовольство крупных магнатов, поддерживающих Альбицци. «Наши предки не спешили с нововведениями, — говорил по поводу нового закона Пала Строцци, — и следует ли думать, что они были менее опытными, менее мудрыми, меньше заботились о нашем правлении, чем мы? Это не так. Наши предки были более рассудительными и больше заботились об общественном благополучии, нежели наше поколение»¹⁵.

В 1429 г., стремясь укрепить свое положение, Синьория, послушная Альбицци, издает декрет против инакомыслящих (*scandalosi*), недовольных государственной политикой; их лишают избирательных прав, изгоняют из Флоренции. Атмосфера накаляется, учащаются доносы. В начале тридцатых годов противоборство двух кланов — Альбицци и Медичи — достигает особой остроты.

На стороне Медичи были такие влиятельные семейства, как Торнабуони, Портинари, Барди, Сальвиати, Кавальканти, Малеспини, а также гуманисты: Никколо Никколи, Марсупини, Поджо Браччолини, Бруни, Траверсари. Альбицци поддерживали Уццано, Каппони, Перуцци, Гвиччардини, Строцци, а также Филельфо.

Сторонники Альбицци, стремясь скомпрометировать Козимо — главу партии Медичи, стали распускать о нем грязные сплетни и слу-

хи; особенно усердствовали в этом Филельфо, сочинявший пасквилы и распространявший их по городу. В конце концов в одну из ночей двери дворца Козимо оказались вымазанными кровью. Почувствовав серьезную опасность, Козимо переводит деньги в свои банки в Риме и Неаполе, частично прячет их в дружественных ему монастырях Сан Миньято и Сан Марко, а сам уезжает на виллу под Флоренцией. Воспользовавшись его отсутствием, Альбицци во время очередных перевыборов проводят в Синьорию своих сторонников. Вновь избранный гонфалоньер, сменивший умершего в 1432 г. разумного и уравновешенного Никколо да Уццано, вызывает Козимо во Флоренцию якобы по важному делу. Козимо вынужден повиноваться, он является один в палаццо Синьории, его схватывают и препровождают в высокую башню палаццо, где располагалась тюрьма. Камера его находилась на самом верху, под вечевым колоколом — Вакка.

Козимо рассказывает об этом в своих воспоминаниях: «Гонфалоньер известил меня, что я должен вернуться для (принятия) каких-то важных решений. Поэтому 4 сентября я возвратился во Флоренцию и в тот же день был вызван гонфалоньером и одним из приоров, которого я числил среди своих друзей. Я сообщил им о дошедших до меня слухах, но они отрицали их <...> 5-го были вызваны на заседание восемь должностных лиц (richiesti) по два от каждого квартала, с их помощью Синьория рассчитывала принять некоторые решения <...> 7-го утром я был вызван как бы для следующего заседания. Во дворце я встретил большинство из них, поглощенных спорами. Через некоторое время мне предложили подняться в Синьорию. Я был отведен капитаном гвардии в комнату, которая называется *Barberia* и заключен в ней»¹⁶.

Через четыре дня «корова замычала», сзывая весь флорентинский народ на собрание — парламент. Из окна своей камеры Козимо видит, как народ сбегается на площадь Синьории, однако все входы преграждены воинами из личной охраны Ринальдо дельи Альбицци; они пропускают лишь его сторонников. Козимо насчитал всего 23 человека — т. е. абсолютное меньшинство, не полномочное принимать решения. Тем не менее эти 23 человека громкими криками выразили свое согласие созвать Чрезвычайную комиссию (балию) для реформы городского управления «во имя блага народа». В эту комиссию, естественно, вошли сторонники Альбицци. Комиссия обвиняет Козимо в намерении захватить власть, за что по законам республики полагалась смертная казнь. Однако Альбицци не удалось добиться единог-

лася среди членов комиссии; за Козимо вступились Феррара, Венеция, римский папа Евгений IV, — все они пользовались услугами банка Медичи. Кроме того, известный кондотьер Никколо да Толентино, получивший деньги от родственников Козимо, двинул свои отряды от Пизы, грозя Флоренции. Под столь мощным натиском от смертной казни пришлось отказаться. Козимо был объявлен «грандом», т. е. лишен всех гражданских прав и выслан из Флоренции сроком на 10 лет в Падую. Во избежание нежелательных акций со стороны населения Флоренции Козимо под стражей вывели из города ночью через ворота Сан Гало, находившиеся в квартале, контролируемом семейством Альбицци. В Падуе Козимо был принят с почетом и вскоре ему удалось переехать в Венецию. Все родственники и главные сторонники Козимо были также выдворены из Флоренции.

В 1433 г. злосчастная война с Луккой, развязанная в значительной степени по настоянию Ринальдо дельи Альбицци, завершается для Флоренции бесславно. «23 апреля 1433 в 22 часа прибыли двое всадников с оливковой веткой и с известием о мире, который был заключен с герцогом <Милана>, и зазвонили колокола и зажглись огни. Но никто не радовался, кроме бедняков; коммуна не получила никаких денег, — вспоминает Джованни Морелли. — Дела наши пришли в полный упадок; Бог да поможет нам!»¹⁷

Ринальдо Альбицци начинает терять популярность даже среди своих прежних сторонников. Стремясь удержаться у власти, он добивается повторения коллективной присяги на Евангелии в верности правительству, принятой всеми гражданами Флоренции в 1425 г., в пору тяжелой войны с Миланом. Тем не менее, при перевыборах приоров, проводившихся каждые два месяца, в Синьории оказывается всё больше сочувствующих Козимо. В 1434 г. Козимо получил от своих тайных сторонников послание с предложением, воспользовавшись временным отсутствием Ринальдо дельи Альбицци, вернуться в город. Однако он ответил, что вернется только по приглашению Синьории, после официальной отмены приговора об изгнании и восстановлении всех гражданских прав — т. е. полной реабилитации.

Ринальдо, вернувшись, оценил ситуацию и решил пойти на вооруженный путч. Город разделился на два лагеря. Ринальдо рассчитывал силой захватить Синьорию и восстановить свое влияние. Однако попытка военного переворота была сорвана папой Евгением IV, гостившим в то время во Флоренции. Он объявил себя миротворцем, пригласил Ринальдо для переговоров в Монастырь Санта Мария Но-

велла, где была его временная резиденция. Ринальдо отправился к папе, а его вооруженные сторонники расположились лагерем на площади перед монастырем. Папа продержал Ринальдо так долго, что когда тот ночью вышел на площадь, она оказалась пустой. Соскучившиеся воины, по-видимому, не столь уж жаждавшие гражданской войны, разошлись по домам. Возможно сыграло роль и угощение, предложенное монастырской братией, а также агитация сторонников Медичи. Одним словом, путч был сорван. Синьория единогласно проголосовала за возвращение Козимо и его полную реабилитацию.

Козимо рассказывает, с какими предосторожностями въезжал он в город: «В октябре 6 числа мы прибыли в наш дом в Карреджи к обеду и застали там множество людей. Синьоры прислали сказать нам, чтобы мы не въезжали в город, пока они не известят нас. На закате они предложили нам прибыть, и мы отправились с большим сопровождением. Но так как дорога, которую мы избрали, была запружена мужчинами и женщинами, Лоренцо и я с одним из слуг и с жезлоносцем коммуны направились вдоль стен. Обойдя сзади Серви, а затем Санта Репарата <Санта Мария дель Фьоре> и палаццо Подеста <Барджелло>, мы вышли на площадь Синьории, никем не увиденные, поскольку все были на Виа Ларга, ожидая нас около нашего дома»¹⁸.

Ринальдо дельи Альбицци со всеми его родичами и сторонниками был отправлен в изгнание — Козимо не требовал смертного приговора для своего противника. С 1434 г. вплоть до конца столетия он и его наследники становятся фактическими властителями Флоренции, стремятся сохранить в полной неприкосновенности видимость ее республиканского устройства и не занимать ответственных государственных постов. Папа Пий II, хорошо относившийся к Козимо, писал о нем в своих «Комментариях»: «Он был главным арбитром в вопросах как войны, так и мира, распоряжался законами, был не столько гражданином, сколько господином своего города. Политические совещания проводились в его доме, в магистрат избирались лишь те, кого он предлагал. Он был государем во всем, кроме имени и титула»¹⁹. Более критически настроенный Джованни Ручеллаи замечает, что «Козимо и оба его сына всецело распоряжались городом и его правительством, подобно синьорам, обладающим тиранической властью»²⁰.

Правда, то же самое говорили о Флоренции первой трети века, когда у власти был клан Альбицци. В 1420 г. Джованни Кавальканти в своих «Флорентинских историях» утверждает, что «коммуна управ-

лялась не из Палаццо (Синьории), но за обеденными столами и в частных студиоло»²¹.

При Медичи политическая ситуация во флорентинской республике оставалась достаточно стабильной. «Город управлялся превосходно и все бедствия и возникавшие разногласия преодолевались», — писал Франческо Сакетти в 1458 г.²² Разрушить равновесие не смог даже тщательно подготовленный антимагический заговор 1478 г., во главе которого стояли представители семейства Пацци и в котором принимал участие римский папа и архиепископ Пизы. Нападение на двух братьев — Лоренцо и Джульяно — было совершено в соборе во время торжественного богослужения. Лоренцо удалось спастись, несчастной и бессмысленной жертвой пал младший брат — Джульяно. Попытка заговорщиков захватить Синьорию не удалась, не удалось спровоцировать и народное восстание, хотя беспорядки были: сторонники Пацци кричали: «Свобода! Народ и свобода! Долой Медичи! Долой шары!» (на гербе Медичи были изображены золотые шары на красном фоне). Сторонники Медичи, напротив, провозглашали: «Да здравствуют шары! Шары! Шары!» Бунт был жестоко подавлен гвардией, охранявшей Синьорию. Все бунтовщики были перебиты, их тела зверски изуродованы и осквернены. Декретом Синьории были сбиты со всех построек изображения дельфина — герба Пацци, их дворец переименовали, все родственники Пацци были лишены гражданских прав. Спокойствие в городе было восстановлено.

Не нарушали общего благополучия республики и многочисленные дорогостоящие войны, оборонительные и наступательные, которые Флоренция вела на протяжении всего XV в.

«Золотое» столетие кончилось со смертью Лоренцо Медичи Великолепного, скончавшегося в 1492 г. в возрасте 43 лет на своей вилле в Корреджио. Во Флоренции его кончины ждали со страхом; предчувствие конца было разлито в воздухе: конца республики, конца века, конца времен. Искали примет надвигающейся катастрофы: на Виа Леоне, где содержались в клетках львы, два из них были убиты в драке — быть беде; на небе видели странный свет — быть беде. Не только флорентинский простой народ с ужасом перечислял все эти дурные приметы. Такой высокообразованный интеллеktуал, как Марсилио Фичино, видел в своем саду призрачных гигантов, которые боролись друг с другом, испуская страшные вопли. Тревожную, даже истерическую обстановку усугубляли проповеди Савонаролы, его призывы ко всеобщему покаянию, его пророческие видения. В

год смерти Лоренцо Савонароле явился в небе Флоренции черный крест с надписью: «Крест гнева Господня».

«Мир в Италии кончился», — произнес папа Иннокентий VIII, узнав о смерти Лоренцо. Для Рима, как и для других городов Италии, Флоренция не только обладала культурным магнетизмом, но и служила залогом политической стабильности.

Попытка Савонаролы спасти флорентинскую республику оказалась тщетной. Джироламо Савонарола — личность поистине ренессансная по силе характера, страстности, одержимости и жажде действия. Сумевший через два года после смерти Лоренцо уберечь Флоренцию от разгрома войсками французского короля Карла VIII, прошедшего с огнем и мечом через всю Италию, Савонарола создает теократическую республику²³, однако ему удалось лишь на несколько лет отсрочить превращение Флоренции в монархию.

Конец Савонаролы был бесславным. После тщетной борьбы с проповедником папа отлучил его от церкви. Савонарола не подчинился отлучению. В городе началась смута. Савонароле предложили пройти испытание огнем; некоторые из его последователей вызвались войти в пламя вместе с ним. Синьория была против такого средневекового «варварства», заявив, что потомки будут стыдиться за флорентинцев. Почитатели Савонаролы, верившие в его святость, настаивали. Однако Савонарола отказался, заявив, что он предназначен для высшей миссии (и, возможно, не веря в благополучный исход). Он предложил взамен своего ученика — фра Доменико да Пешиа. Тот согласился. Синьория попыталась заменить костер более милосердным испытанием водой: если фра Доменико удастся перейти Арно, не замочив одежды, — Савонарола победит; если фра Доменико утонет, Савонарола будет изгнан из Флоренции.

Тем не менее победила идея испытания огнем. 7 апреля 1498 г. площадь Синьории была окружена военной охраной, от Лоджии деи Ланци был проложен коридор длиной в тридцать ярдов, по сторонам его — частокол, пропитанный маслом, между частоколом оставлен проход шириной в один метр. В Лоджии, разделенной пополам, располагались зрители — по одну сторону сторонники Савонаролы, по другую его противники. Появился фра Доменико с Распятием в руках рядом с Савонаролой. Францисканцы запротестовали, заявляя, что Распятие нельзя вносить в огонь. Спор продолжался, пока внезапно не разразилась гроза. Огненное действие не состоялось, вызвав разочарование у большинства горожан, падких на зрелища. Пришлось все

перенести на завтра. Авторитет Савонаролы пошатнулся. Сыграла роль и угроза папского отлучения всех горожан от церкви. Преследуемый толпой Савонарола пытался спрятаться в монастыре Сан Марко, но был схвачен стражей и препровожден в тюремную камеру наверху башни палаццо Синьории, куда когда-то был помещен Козимо Медичи. Вместе со своими двумя учениками Савонарола был обвинен в ереси и казнен. Во время казни из толпы раздался голос: «О пророк, настало время совершить чудо! Пророк, спаси себя!» Трупы повешенных были сожжены на костре. «За несколько часов трупы сгорели, их руки и ноги постепенно обрывались и падали, — вспоминает один из современников, присутствовавший на площади во время казни. — Части тел, оставшиеся висеть на цепях, сбивали камнями, потому что многие захотели завладеть ими; палач и те, в чьи обязанности это входило, разобрали столбы виселиц и сбросили их вниз <...> остатки пепла были кинуты в Арно, у Понте Веккио, чтобы ничего нельзя было отыскать»²⁴. Такова была реакция толпы, как тех, кто жаждал глумиться над останками повешенных, так и тех, кто верил в святость Савонаролы и хотел сохранить частицу его праха.

Текст признания Савонаролы, вырванный под пыткой, был прочитан на площади; большинством флорентинцев он был воспринят трагически. Это было крушение их веры не только в самого проповедника, но и в высокое предназначение Флоренции как модели совершенного города — мифа, которым жили флорентинцы на протяжении всего XV в. Это было осознанием конца эпохи. Лука Ландуччи писал: «Он, которого мы считали пророком, признался, что он пророком не был и что всё, что он проповедовал, не было откровением, полученным от Бога, и он признавался, что многое из того, что происходило в те времена, когда он проповедовал, было истолковано им в противоположном смысле. Я присутствовал при чтении записи его признания и я удивлялся и был совершенно ошеломлен. Мое сердце было безутешно при виде всего сооружения, рухнувшего до основания из-за того, что оно было построено на обмане. Флоренция надеялась стать Новым Иерусалимом, источником законности и величия, образцом праведности и чаяла увидеть обновление церкви, обращение неверных, утешения праведных, и я понял, что всё было наоборот»²⁵. Бурной была реакция и Марсилио Фичино, выступившего в 1498 г. с опровержением учения Савонаролы.

«Незабвенно столетие» завершилось. Миф об исключительной роли Флоренции как образцового города-коммуны, самого совер-

шенного по своему государственному устройству, самого красивого, самого чистого, самого многолюдного, самого богатого (Бруни), «цветка Тосканы, зеркала Италии», и не только Италии, но «всего мира» (Салутати); миф о Флоренции — центре образованности, «вторых Афинах», как называли город в кругу гуманистов во времена Козимо; о Флоренции как воплощении «Золотого века, века Августа», «века Сатурна», как утверждали друзья и почитатели Лоренцо Великолепного; наконец, миф о благочестивой Флоренции — «Новом Иерусалиме», обещанном в проповедях Савонаролы — этот миф, с поражающим постоянством и настойчивостью творимый и из поколения в поколение поддерживаемый самими флорентинцами, рухнул вместе с концом столетия. В XVI в. Флоренция уступает свою лидирующую роль Риму и становится просто одним из крупных городов Италии, культурной провинцией, гордившейся лишь своим кватрочентистским прошлым.

Флорентинцы прославляли свой город не только в слове, не только сочиняя пышные панегирики и разного рода хвалебные послания: время от времени они преображали его здания, площади и улицы, создавая иную, приподнято праздничную среду, мифологизированную реальность.

В городе отмечалось около 40 праздников и каждый раз улицы украшались, иногда более скромно, а по особо торжественным дням — с большой роскошью: «Все цеха выставляли у дверей своих лавок всякие дорогие вещи, украшения и драгоценности; золототканых и шелковых тканей было такое множество, что хватило бы украсить ими десяток государств; столько было драгоценных золотых и серебряных изделий, настенных ковров, украшенных живописью досок удивительнейшей резьбы и разных вещей, относящихся к вооружению, что перечислить всё это не хватило бы времени» [Горо Дати]²⁶.

Флоренция меняла облик, становилась неузнаваемой, превращаясь в Вифлеем, или в Иерусалим, в арену римского цирка, в место рыцарских турниров, в грандиозную декорацию для драматических действий на тему античной истории или триумфальных шествий. Это была «другая» Флоренция, украшенная коврами, тканями, гирляндами из цветов и фруктов, овощей и зелени, с проплывающими по улицам «облаками», с украшенным звездами «небом», освещенная по вечерам огнями плошек и факелов, а иногда даже щитами, с архитектурными росписями, закрывавшими средневековые фасады старых

домов, превращавшими город в реализацию фантастических архитектурных проектов, в архитектурную утопию. А сами флорентинцы становились участниками этих театрализованных действий — его исполнителями или толпой зрителей, подобно хору античной трагедии активно реагирующих на происходящее.

Обычные для средневекового города религиозные празднества и процессии приобретают в XV веке всё более зрелищный, всё более театрализованный, всё более светский характер.

Именно во Флоренции получают широкое развитие, — распространяясь затем по другим городам Италии, — театральные представления в храмах (феста), которые давались не только по церковным праздникам, но и по случаю визитов во Флоренцию почетных гостей. Для этих представлений готовились богатые декорации и сложнейшая машинерия, позволявшие осуществлять полеты актеров через пространство всей церкви, возносить их под самые своды.

В оформлении представлений принимали участие крупные архитекторы и художники; в источниках сохранились сведения о разного рода сложных приспособлениях и световых эффектах, придуманных Филиппо Брунеллески, и о живописных декорациях, выполненных Мазолино.

Представления на сюжеты «Благовещения» и «Вознесения» повторялись неоднократно в нескольких храмах Флоренции с неизменным успехом и при большом стечении зрителей. «В четверг 21 мая, в день Вознесения и в ночь накануне было торжественное и прекрасное празднество в Кармине, в церкви, и живой человек вместо Господа Бога возносился на небеса. Его подтягивали со сводов на небольшой помост, и достигнув крыши, он поднимался прямо вверх. И очень похоже были представлены все действия, и облик Богоматери, и святой Марии Магдалины, и двенадцати апостолов, и это празднество было сделано красиво и со многими приспособлениями вокруг облака, так что когда облако опускалось и приближалось к возносящемуся Христу, сразу зажигалось множество светильников. И также очень похоже были сделаны ангелы, как смогут убедиться те, кто увидит представление, если Богу угодно будет, чтобы оно повторилось,» — говорится в одной из монастырских записей 1422 г.²⁷. Представление повторяли, и в 1439 г. его видел один из членов делегации, приехавшей из Московии для участия в церковном Соборе. В отличие от сдержанного и прозаического монастырского описания, русский автор, для которого подобные зрелища были непривычны,

воспринял его, а также «Благовещение» в церкви Сантиссима Аннунциата не только как «хитрое делание», но и как «несказанное» чудо. Особенно поразили его световые эффекты: «дивное и страшное видение», когда «огонь <...> начнет от верхнего места исходить по всей церкви той и сыпати с великим и страшным гремением»²⁸.

К сожалению, подобные огненные «чудеса» не всегда оканчивались благополучно и часто возникали пожары. Зрители, менее наивные и восторженные, особенно из знатных гостей, иногда предпочитали не входить в храм, а смотреть на спектакль от входа, с паперти.

Часто представления выносились за пределы храмов и разворачивались в виде костюмированных шествий. Особенно пышными были шествия, проводившиеся обычно в день праздника, посвященного Иоанну Крестителю, патрону города. В этот день светское Братство Волхвов (*Compagnia de' Magi*)²⁹, возникшее в самом конце XIV в. и развернувшее активную деятельность в годы кватроченто, организовывало торжественные процессии волхвов по улицам города. Они надолго оставались в памяти флорентинцев, а также их гостей из других городов и стран.

Самое раннее из сохранившихся описаний относится к 1390 г. На этой стадии Празднество Волхвов выглядело не столько как костюмированное шествие, сколько как живо разыгранное драматическое действо. «Шестого января состоялось во Флоренции торжественное и величественное празднество святых Волхвов и Звезды в церкви монахов Сан Марко. Волхвы прошли через весь город, очень торжественно одетые, с лошадьми и многочисленным сопровождением и множеством изобретений. Царь Ирод находился у Сан Джованни на помосте, очень хорошо украшенном, окруженный свитой. И прибыв к Сан Джованни, они <волхвы> приблизились к помосту, где был Ирод, и там они рассказали о младенце, поклониться которому они шли, и обещали вернуться к Ироду. И после того, как волхвы принесли дары младенцу, но не вернулись к Ироду, он велел их преследовать и приказал убить множество детей, которых держали на руках их матери и няньки. И на этом празднество кончилось в пять часов после полудня»³⁰.

В 1429 г. празднество началось на площади Синьории. С утра члены Совета Двадцати в монашеских одеяниях торжественной процессией направились к площади Сан Марко, сопровождая «Деву Марию с сыном». Вся группа разместилась там на специально построенном помосте. Затем, после обеда, состоялась вторая, еще более мно-

голюдная и торжественная процессия Поклонения волхвов, в которой, по словам одного из зрителей, принимали участие семьсот человек в соответствующих костюмах и верхом на богато украшенных лошадях, причем кроме самих волхвов с их свитами в шествии принимали участие «три великана», «дикий человек», а также ехал на колеснице «Давид, убивающий из пращи гиганта». По сторонам Виа Ларга по пути следования кортежа были расставлены богато украшенные павильоны и скамьи. «И было очень приятно рассматривать такие украшения на этой улице», — заключает рассказчик.

Такое же празднество было устроено в 1439 г. по случаю окончания экуменического собора. Один из присутствующих на Соборе греков воспринял это непривычное для православных зрелище отстраненно — с удивлением и даже с некоторым осуждением: «Двадцать третьего июня они устроили большую процессию и празднество, в котором принимало участие всё население, и во время празднества они совершали всякие удивительные вещи и даже чудеса, вернее изображение чудес <...> и они нарядили людей в волхвов, и люди же представляли Рождество Христа, с пастухами, звездой и животными <...> А также были всякие другие «подобия», некоторые недопустимые, а некоторые возвышенные»³¹. Во время процессий часто несли живописные декорации или картины с изображением мест действия или, возможно, соответствующих эпизодов Священного Писания.

Одно из самых великолепных празднеств состоялось в 1464 г., когда вся Флоренция, разделенная на четыре квартала, изображала Иерусалим. В трех кварталах были сооружены шатры волхвов, а в четвертом, на площади перед Сан Марко был выстроен из дерева дворец Ирода, украшенный коврами. В нем была тронная зала и еще три дополнительных помещения, где Ирод, его свита и охрана расхаживали, готовясь к визиту волхвов. Волхвы располагались в шатрах в других кварталах города, каждый со своей свитой, лошадьми, мулами, груженными дарами, слугами, воинами, музыкантами и т. д. Все собиравшись на площади Синьории, а затем многолюдной процессией, в которой принимали участие представители крупнейших семейств Флоренции, двигались к дворцу Ирода. Ирод выходил им навстречу и садился на трон. Разыгрывалась чисто светская торжественная церемония приема посольств, в которой мало что напоминало о евангельской истории.

В реализации этих празднеств важная организационная и финансовая роль принадлежала семейству Медичи. Сохранилось известие,

что в 1454 г. в процессии принимал участие сам Козимо. Не случайно в украшении внутренних помещений их дворца на Виа Ларге пять раз в различных вариантах повторялось изображение Поклонения волхвов. В некоторых из них представлены портретные изображения Козимо Медичи, других членов этой фамилии и знатных гостей города. Особенно увлекались флорентинцы разного рода спортивными играми — пешим и конным футболом (палио), бегом свободных лошадей по улицам города, битвой камнями, военными играми на мифологические сюжеты, при этом осаде часто подвергались палаццо крупных семейств Флоренции. Порой эти игры кончались настоящими пожарами и человеческими жертвами. С середины столетия вошли в моду рыцарские турниры, проводившиеся на площади Санто Кроче, для которых выбиралась королева красоты. На площади Синьории, превращавшейся в цирковую арену, устраивалась охота на диких зверей. Позднее, особенно при Лоренцо Великолепном, проводились аллегорически замысловатые «триумфы» на богато украшенных колесницах, влекомых конями, иногда замаскированными под единорогов. Сохранилось множество изображений таких колесниц в живописи³².

Одним из самых впечатляющих событий, оставивших глубокий след в культурной и художественной жизни города, стал Церковный собор 1439 г., ставивший своей целью объединение церквей: католической и православной. Была и вторая, более практическая цель — объединение всех христианских государств Европы для спасения Византии от грозившего турецкого завоевания. Инициатор собора — папа Евгений IV надеялся не только на решение теологических разногласий, но и на организацию крестового похода. Ни одной из этих целей достичь не удалось, вместе с тем эта громоздкая, дорогостоящая и безрезультатная для церковной политики акция сыграла существенную роль в культурной, художественной и общественной жизни Флоренции.

Собор начался в Ферраре неудачно. Папа Евгений IV пригласил за свой счет множество делегатов и гостей из разных стран, в числе которых была и многочисленная делегация из Руси. Однако вскоре Евгений IV понял, что не рассчитал своих финансовых возможностей и не может достойно содержать участников собора. К тому же в Ферраре началась очередная эпидемия чумы. Всё мероприятие оказалось под угрозой срыва. И тогда Козимо Медичи, оценивший высокую престижность этой акции, ее политические и культурные преимущества, пригласил в конце 1438 г. весь собор во Флоренцию,

предложив папе щедрую денежную помощь — 1500 флоринов в месяц. Козимо перехватил инициативу у Венеции; один из венецианских сенаторов написал ему в запальчивости: «Ты хочешь Собор, хочешь папу, хочешь Лукку, ты хочешь всё!»³³.

Прибытие участников собора превратилось в грандиозное, невиданное по своему размаху и великолепию празднество. Настроение флорентинцев не смогла испортить даже зимняя холодная и дождливая погода. Представители разных стран — церковные и светские — ехали в богатых одеяниях, ни одна деталь которых не ускользала от взглядов толпы, рассматривавшей их с жадным любопытством. Сильное впечатление произвел на зрителей византийский император Палеолог VIII. Сохранилось несколько описаний его внешности и костюма. «На нем была греческая одежда из дамасского бархата, очень богатая; греческая шапка, на верхушке которой был великолепный камень; это очень красивый человек с бородой по греческой моде», — пишет Веспасиано да Бистиччи³⁴. «На византийском императоре, — записывает другой наблюдатель, по-видимому, более внимательный, — была белая одежда, а сверху мантия из красного сукна и белая остроконечная шапочка, наверху которой был большой рубин, больше хорошего голубинового яйца, и множество других камней»³⁵.

Гости прибывали в сопровождении многочисленной свиты, а также слуг и рабов из самых разных народностей, включая представителей стран Востока, мавров, монголов и не менее экзотических для итальянцев той поры славян.

Необычные одежды чужестранцев, расхаживавших по улицам, незнакомый разноязычный говор, непривычные для глаз длинные бороды греков и русских вызвали любопытство, недоумение, многим казались смешными. «Люди с длинной бородой, опускающейся на грудь, с густыми, косматыми, растрепанными волосами, другие с короткой бородой, с головой, выбритой наполовину, с выкрашенными бровями; многие выглядели так необычно, что даже самый грустный человек при виде их не мог удержаться от смеха...», — вспоминает Веспасиано да Бистиччи³⁶. Всё это сохранилось в памяти флорентинцев: и смешное, и странное, и экзотическое и было запечатлено в живописи середины и второй половины столетия³⁷.

Заседания Собора продолжались до начала июля. Они проходили во временной резиденции папы — монастыре Санта Мария Новелла и в монастыре Санта Кроче. Кроме того, город предложил участникам собора то, что сейчас принято называть культурной программой; в

трех церквях — Сантиссима Аннунциата, Санта Мария дель Кармине и Сан Феличе ин Пьяцца были показаны театрализованные представления на сюжеты «Благовещение» и «Вознесение Христа». Гостям показывали достопримечательности Флоренции — и не только храмы и монастыри, но и странноприимные дома и больницы, которыми по праву гордилась Флоренция. Всё это производило на гостей сильное впечатление, особенно на тех, кто прибыл из Московии, как об этом свидетельствует сохранившееся описание. «Тои же славный град Флоренза велик зело, — пишет неизвестный автор, принадлежавший к свите митрополита Исидора, прибывшего во Флоренцию для участия в соборе, — такова не обретохом во впредрисанных градах: божници в нем красны и хитры. И посреди града того течет река велика и быстра вельми, именем Рна: и устроен на реце тои мост камен, широк вельми, и с обе страны моста устроены полаты (имеется в виду Понте Веккио. — *И. Д.*). Есть же во граде том божница (монастырская больница? — *И. Д.*) велика и в ней за тысящу кровати, а и на последней кровати перины чудны, и одеяла драгы <...>. И есть во граде том божница устроена велика, камень мрамор бел и черн; и у божници тои устроен столп и колоколница, тако же белый камень мрамор, а хитрости ее недоуметь ум наш: и ходихом в столп тот на лестнице, и сочтохом ступени ее 400 и 50»³⁸ (речь идет о Соборе и Компаниле. — *И. Д.*).

5 июля 1439 г. после долгих дебатов³⁹ был подписан во Флоренции итоговый экуменический документ. На следующий день он был торжественно зачитан во время великолепной церемонии, проходившей во Флорентинском соборе Санта Мария дель Фьоре.

Так описал эту церемонию один из членов русской делегации: «Народу же толику ту суша, чтобы их пушали, то бы много задушенных людей было: но подвоиские папины хожуху в пансырех серебряных палицы в руках држаще, а не дадуще наступати: а иные свечи виты држаще в руках зажжены, и теми к народом махаху, чтобы не наступали <...> И по службе нача молебен пети со своими, и по молебне седе папа посереде собора того на уготованном ему висоце престоле возлащене, и близ его поставиша амбон. И взыде от латин гардинал именем Иулиан, а митрополит никеискый, и взнесоша Грамоты соборныя; и нача чести Иулиан латинскую грамоту велегласно, и по том нача чести митрополит грамоту греческую. И по чтении грамот благословил папа народ. И потом начаша диакы пети хвалу папе, и по том начаша царевы диакы пети хвалу царю. И потом начаша пети

весь собор латинский и весь народ, и начаша радоватися, зане быше прощение приали от грек. И поеха царь от збора из Флорензы месяца августа 26. И проводиша его с честью гардиналове, и весь народ града того, с трубами и свирелями; и несоша над ним небо наряжено 12 человек; а коня под ним ведоша пеши два ратмана большие града того»⁴⁰.

Представители католического и православного духовенства публично обнимались и лобызались. «Да возрадуются небеса и да возликует земля о том, что стена, разделявшая западную и восточную церкви, пала. Мир и согласие восстановлены», — пишет один из современников⁴¹.

Текст соборного соглашения был написан на одном из столбов флорентинского собора. Однако как и многие подобные документы, это соглашение так и осталось соглашением если не на бумаге, то на камне. Реального объединения церквей не произошло; крестовый поход папе Евгению IV организовать не удалось. Однако в развитии культуры ренессансной Флоренции Собор сыграл существенную роль. В этом смысле расчет Козимо Медичи оправдался. Флоренция на целые шесть месяцев становится центром международной жизни, завязываются политические, экономические и особенно культурные связи. Одним из самых важных результатов стало приобщение Флоренции к греческому языку, греческой литературе и философии. Крупные ученые, прибывшие в город в свите византийского императора, по окончании Собора были приглашены остаться для чтения лекций, переводческой деятельности; они внесли эллинскую струю в гуманистическую культуру Флоренции, ориентированной до той поры преимущественно на римское античное наследие.

В определенном смысле Собор послужил стимулом для создания во Флоренции так называемой Платоновской Академии⁴². По традиции считалось, что замысел этот возник у Козимо Медичи под влиянием Платоновских чтений, проводившихся прибывшим на Собор греческим философом Гемистом Плетоном. Однако осуществить его удалось лишь несколько десятилетий спустя, когда подрос Марсилио Фичино — сын личного врача Козимо. О его гуманистическом образовании Козимо особенно заботился, всячески поощряя его занятия греческим языком. В 1462 г., когда Фичино достиг тридцатилетнего возраста, Козимо вручил ему для перевода на латынь хранившийся у него в библиотеке греческий манускрипт с диалогами Платона и подарил виллу в окрестностях Флоренции, где должны были проходить собра-

ния участников будущей Академии. Козимо задумал этим актом превратить Флоренцию в Новые Афины, придав ей еще больше блеска. Под покровительством Козимо, а затем его наследников Академия процветала и стала духовным центром флорентинского Возрождения. Ее членами были Полициано, Пико делла Мирандола, Кристофоро Ландино и сам Лоренцо Великолепный — внук Козимо.

В этой истории реальные факты причудливо сочетаются с легендой, авторство ее восходит, по-видимому, к Марсилио Фичино⁴³. Факты же таковы, Гемист Плетон, приехав во Флоренцию на Собор, привез с собой греческий манускрипт с диалогами Платона. Козимо, страстный библиофил, заказал для своей библиотеки список манускрипта. Что касается лекций Гемиста Плетона, то как утверждает один из современных исследователей, Козимо на них вряд ли присутствовал, поскольку он не владел греческим, а Плетон не знал ни латыни, ни итальянского. К тому же, будучи человеком глубоко религиозным, особенно в последние годы своей жизни, вряд ли Козимо, как впоследствии утверждали некоторые из его почитателей, мог увлечься неопаганизмом Плетона. За два года до смерти — в 1462 г. — Козимо заказал Фичино перевод манускрипта с диалогами Платона с греческого на латынь. Этим его роль в создании Платоновской Академии, по-видимому, и ограничивалась. Остальное присочинил Фичино в своем предисловии к переводу Плотина, завершеному много лет спустя после кончины Козимо.

Предисловие датируется 1490 г. и адресовано Лоренцо Медичи, который покровительствовал кружку гуманистов, собиравшихся для философических бесед на вилле Кореджи; в этих сборищах принимал участие Лоренцо, и назывались они Академией. Фичино пишет: «Великий Козимо, Отец Отечества <...> в то время, когда проходил собор греков и латинян во Флоренции, при папе Евгении IV, часто слушал греческого философа Гемиста Плетона, говорившего подобно второму Платону, о платоновских мистериях. Козимо был так вдохновлен его словами, что начиная с этого времени он задумал в глубине души род Академии, рассчитывая создать ее в подходящий момент. И он предназначил для этого меня, сына своего любимого врача, в ту пору еще мальчика, и дал мне образование. Более того, он позаботился, чтобы я имел книги Платона по гречески, а также книги Плотина. После этого, в 1463 г. (по флорентинскому счету), на тридцатом году моей жизни он заказал мне перевод Гермеса Трансметегита, а затем Платона. Меркурия (Гермеса) я закончил в несколько месяцев, еще

при жизни Козимо. Платона я тоже начал в это время. Он очень хотел иметь также перевод Плотина, однако мне об этом ничего не сказал <...> В тот момент, когда я дал Козимо прочесть Платона по-латински, его греческий дух таинственным образом побудил дух Пико делла Мирандола явиться во Флоренции. Пико родился в тот самый год, когда я начал переводить Платона, он приехал во Флоренцию в тот самый день, даже в тот самый час, когда я его опубликовал. После приветствия он сразу же спросил меня о Платоне. Я ответил ему: „Наш Платон сегодня возник на пороге“. Он сердечно поздравил меня и немедленно — причем ни я, ни он не знали, как об этом зашла речь, — предложил или, точнее, побудил меня переводить Плотина. Поистине божественное вмешательство следует усматривать в том, что греческий Пико родился в то время, когда возродился Платон <...> и что он прибыл во Флоренцию в тот самый день, когда наш Платон был опубликован, и что он вдохновил меня, упомянув о замысле Козимо относительно Плотина, о котором я не знал и который чудесным образом открылся ему»⁴⁴.

В последнее тревожное десятилетие XV в., когда конец флорентинской республики осознал себя современниками как вполне реальная угроза, они всё чаще обращали взгляд ко времени ее благополучия, к годам правления Козимо Медичи — отца Отечества⁴⁵. Веспасиано да Бистиччи в одном из писем 1494 г. пишет с ностальгической грустью: «В те времена <...> Флоренция была в счастливейшем состоянии, богатая выдающимися людьми в каждой из наук, она была населена превосходными горожанами, которые стремились превзойти друг друга в мастерстве и достоинствах, и была знаменита во всем мире превосходным управлением»⁴⁶.

Почетный титул «Отца отечества» был присвоен Козимо после его кончины, однако идея эта возникла значительно раньше в среде гуманистов. Именно в этой среде творился в значительной степени «миф Козимо». До середины столетия, в годы расцвета гражданского гуманизма его сравнивали с республиканскими деятелями древности, видели в нем защитника свобод флорентинской республики, «второго Катона», «второго Аристиды». Следующее поколение гуманистов прославляет его как мецената, украсившего Флоренцию множеством архитектурных памятников. «Знаменитый Козимо строит и частные дома, и церковные здания и монастыри, как в самом городе, так и за его пределами, расходуя такие средства, что они кажутся равными по своему великолепию расходам древних королей и импе-

раторов» (Донатто Аччайоли)⁴⁷. В нем видят покровителя наук и искусств, правителя-философа, подобного тем, «кого божественный Платон хотел поставить во главе государства» (Агриропулос)⁴⁸. Мифологизация личности Козимо особенно активно творилась в конце столетия в окружении его внука — Лоренцо Великолепного. Один из почитателей Лоренцо — Бартоломео Скала — составил целый сборник посвященных Козимо хвалебных текстов, хранящийся по сей день в Лауренциане (так называемый *Collectiones Cosmianae*). Этот сборник Скала поднес Лоренцо, в котором его гуманистическое окружение хотело видеть «второго Козимо» — щедрого покровителя наук и искусств. Анжело Полициано в письме к Лоренцо от 1491 г., посвященном заслугам его знаменитого деда, добавляет, обращаясь к внуку: «...твоя деятельность по собиранию греческих манускриптов и покровительству ученым приносит тебе всеобщую хвалу и почитание, которых никто не имел уже много лет»⁴⁹.

Сочиненная Фичино история о Козимо как об отце и почти мистическом вдохновителе Платоновской Академии продолжает ту же линию мифотворчества. Козимо выступает как своеобразный культурный герой, как персонификация всего столетия, которое современники сами называли «золотым»⁵⁰. «Золотым» оно надолго остается в памяти поколений — такова сила внушения, завораживающая сила красноречия флорентинцев, веривших в исключительность своей исторической миссии, «невиданной и неслыханной». Но сохранилось и вполне объективное, наглядное свидетельство расцвета флорентинской культуры кватроченто, свидетельство неоспоримое — это архитектура Брунеллески, скульптура Донателло, живопись Мачаччо, Липпи, Боттичелли... И всё это несмотря на то, что XV в. был для Флоренции веком тяжелым. За прозрачным миром ее архитектурных и живописных утопий просвечивают постоянные дорогостоящие, далеко не всегда удачные войны, острая политическая борьба, смена режимов, заговоры, путчи, кровавые расправы, казни, частые вспышки эпидемий, нехватка средств в казне, нехватка продовольствия, угроза голода. «И всё это во Флоренции...»

Примечания

¹ Цит. по: Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. T. 1 // Il Zibaldone Quaresimale. L., 1960. P. 40.

- ² Там же.
- ³ *Леонардо Бруни*. Похвала городу Флоренции. Цит. по: *Studi medievali*. Ser. 3, anno VIII, fasc. I. 1967 guignio. P. 531–534.
- ⁴ *Coluccio Salutati*. Epistolario. Roma, 1891. Vol. 1. P. 277.
- ⁵ *Invectiva Lini Colucii Salutati...* in Antonium Luschem Vicentinum. Цит. по: *Holmes G.* The florentine enlightenment. 1400–1450. L., 1969. P. 38.
- ⁶ Согласно средневековым хроникам история возникновения Флоренции такова: Катилина, бежав из Рима, явился в Этрурию, в главный город — Фьезоле, где был провозглашен консулом. Против него было послано римское войско. Благородный римский воин по имени Фиорино разбил лагерь у брода через реку Арно, где позднее возникла Флоренция. Он был предательски убит, и тогда прибыл Цезарь с подкреплением, разрушил Фьезоле и разбил Катилину в битве при Пистории (современная Пистойя). Иными словами, Флоренцию считали основанной Цезарем и получившей название от имени Фиорино.
- В XV в. основание город стали относить ко временам Римской республики.
- По современным данным Цезарь во Флоренции не был, город был основан как римский лагерь после битвы при Пистойе, т. е. около 62 г. до н. э. О его античном происхождении свидетельствуют остатки построек, обнаруженных археологами (*McCarthy M.* The Stones of Florence and Venice observed. L., 1989. P. 28–29).
- ⁷ Паоло Соменци. Цит. по: *Cast D.* Рец. на кн.: *Steinberg R.M.* Fra Girolamo Savonarola: Florentine Art and Renaissance Historiography // *The Art Bulletin*. 1979, march. P. 134.
- «Сжигания суеты» (*bruciamenti delle vanita*) были осуществлены по инициативе Савонаролы в 1497–1498 гг. в последние дни Карнавала. Автор замечает, что подобного рода костры имели место и в других городах Италии: в Риме — в 1424 г., в Сиене — в 1425 г., в Милане — в 1477 г., в Болонье и Перуджии — в 1487 г.; в самой Флоренции аналогичное «Сжигание суеты» состоялось в 1425 г. по инициативе Бернардино да Сиена. В этом отношении Савонарола, по мнению автора, вписывается в общую борьбу телесного и духовного, характерную для флорентинского искусства XV столетия.
- ⁸ *Монье Ф.* Опыт литературной истории Италии XV века. Кватроченто. Спб., 1904. С. 114.
- ⁹ *Brucker G.* Renaissance Florence. L., 1983. P. 224.

- ¹⁰ Сочинения итальянских гуманистов в эпоху Возрождения (XV в.). М., 1985.
- ¹¹ *Brucker G.* Op. cit. P. 139.
- ¹² Ibid. P. 257.
- ¹³ Ibid. P. 221.
- ¹⁴ Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. Т. I. L., 1960. P. 47.
- ¹⁵ *Brucker G.* Op. cit. P. 140.
- ¹⁶ *Hale I. R.* Florence and the Medici. The pattern of control. L., 1986. P. 22.
- ¹⁷ *Gutkind C.* Cosimo de' Medici «il Vecchio». Firenze, 1982. P. 80, 101.
- ¹⁸ *Halle I. R.* Op. cit. P. 24.
- ¹⁹ Цит. по: *Hatefield R.* Cosimo de Medici and the Chapel of his Palace // Cosimo «il Vecchio» de Medici, 1389–1464: Essays in commemoration of the 600th anniversary of Cosimo de Medici's birth. Oxford, 1992. P. 224.
- ²⁰ *Rubinstein N.* Cosimo optimus civis // Ibid. P. 12.
- ²¹ Ibid. P. 13.
- ²² *Brucker G.* Op. cit. P. 257.
- ²³ О деятельности Савонаролы в 1494–1498 гг., о его попытках реформирования флорентинской республики см.: *Brown A.* Savonarola, Machiavelli and Moses: a Changing Model // Florence and Italy. Renaissance Studies in Honor of N. Rubinstein. L., 1988. Савонарола, подобно Медичи, не занимал никаких государственных должностей, считая себя «послом» самого господя Бога, вторым Моисеем.
- ²⁴ *Hibbert Ch.* The Rise and Fall of the House of Medici. N.Y., 1987. P. 200.
- ²⁵ Лука Ландуччи. Цит. по: *Brucker G.* Op. cit. P. 270–271.
- ²⁶ Грегорио ди Анастасио Дати. История Флоренции. Цит. по: *Vec Ch.* Il mito di Firenze da Dante al Ghiberti // Lorenzo Ghiberti nel suo tempo. Atti del Convegno Internazionale di Studi. Vol. I. Firenze. 1980. P. 24.
- ²⁷ *Pochat G.* Brunelleschi and the «Ascension» of 1422 // The Art Bulletin. N.Y., 1978. Juin.
- ²⁸ Подробно об этом см.: *Данилова И.* Церковные представления во Флоренции в 1439 году глазами Авраамия Суздальского // Искусство Средних веков и Возрождения. М., 1984. С. 154–163.
- ²⁹ *Hatfield R.* The Compagnia de'Magi // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1970. № 33. В статье приводятся большой фактический материал и

обширные цитаты из флорентинских документов, относящихся к 1390, 1429, 1439, 1446—47, 1451 (известия об участии в процессиях Козимо Медичи), 1454 (описание праздника, сделанное Маттео Пальмиери), 1464—1465 гг. (Фра Джованни ди Карло в «*Libri de temporibus suis*»).

³⁰ *Hatfield R.* Op. cit. P. 108.

³¹ *Ibid.* P. 113.

³² См.: *Hibbert Ch.* The Rise and Fall of the House of Medici. N.Y., 1987. Ch. IX. См. также: *Firenze rinascimentale.* Firenze, 1978. P. 257—267; *Plaisance M.* Le Carnaval des Medicis: de Laurent á François. T. 2. Florence, 1989. P. 243—250.

³³ Цит по: *Gutkind C.* Cosimo de'Medici il Vecchio. Firenze, 1982. P. 167.

³⁴ Цит. по: *Forzzini Cellai V.* L'arte nel Rinascimento. Filippo Lippi. Prato, 1986. P. 63.

³⁵ *Istorie di Firenze dall'anno 1406 fino al 1438.* Цит. по: *Ginzburg C.* Indagini su Piero. Torino, 1981. P. 3.

³⁶ Цит. по: *Forzzini Cellai V.* Op. cit. P. 63.

³⁷ Считается, что в росписи, выполненной Беноццо Гоццолли в домовый капелле палаццо Медичи, в экзотических образах волхвов представлены участники собора 1439 г. — византийский император Иоанн Палеолог и патриарх Константинопольский.

³⁸ *Хождения на Флорентийский собор / Публ. Н. А. Козаковой // Труды Отдела Древнерусской Литературы АН СССР. Т. 25. М.; Л., 1970. С. 67.*

³⁹ Дебаты, проходившие на заседаниях собора, долго оставались безрезультатными, спорящие не слышали друг друга: византийский император настаивал на Крестовом походе против турок, грозивших его империи, папа ставил условием достижение согласия по теологическим вопросам, чему противился патриарх Восточной церкви Иосиф. Решение пришло неожиданно. В начале июня 1439 г. патриарх Иосиф скоростижно скончался, оставив завещание, в котором он полностью согласился со всеми условиями, выдвигаемыми католической стороной, и признавал главенство папы над всеми христианскими церквями. Это решило спор, хотя и вызвало разного рода слухи относительно кончины патриарха. На закрытом заседании Собора соглашение было подписано всеми участниками, включая русскую делегацию, которая за этот не санкционированный Русью шаг тяжело поплатилась, вернувшись на родину. Подлинник соглашения со всеми подписями хранится в библиотеке Лауренциана.

⁴⁰ Хождение на Флорентийский собор... С. 67.

⁴¹ Цит. по: *Hilbert Ch.* The Rise and Fall of the House of Medici. N.Y., 1987. P. 65.

⁴² См. *Кудрявцев О.Ф.* Гуманистические Академии итальянского Возрождения // Культура Возрождения и общество. М., 1986.

⁴³ *Hankins J.* Cosimo di Medici and the «Platonic Academy» // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1990. Vol. 53.

Легенда о Козимо — создателе Платоновской Академии — долгое время принималась историками на веру. В основе ее два документа — письмо Марсилио Фичино к Козимо от 1462 г. и его же предисловие к переводу Плотина 1490 г. В письме Фичино благодарит Козимо за то, что он передал ему тома Платона, «создав тем самым род Академии». Автор статьи убедительно показывает, что термин «Academia» употребляется в них как эквивалент термина «Platonic corpus». В предисловии к переводу Плотина Фичино безоговорочно приписывает Козимо замысел будущей Академии. Впрочем, всё предисловие выдержано в несколько мистическом, «неоплатоническом» духе, что позволяет толковать его иносказательно.

⁴⁴ Цит. по: *Hankins J.* Op. cit. P. 150–151.

⁴⁵ См.: *Brown A.* The humanist portret of Cosimo de' Medici Pater Patriae // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1961. Vol. 24; *Fraser Jenkins A.* Cosimo de' Medici's patronage of architecture and the theory of magnificence // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1970. Vol. 34.

⁴⁶ Цит. по: *Gregory H.* Pala Strozzi's Patronage and Pre-Medicean Florence // Patronage, art and Society in Renaissance Italy. Oxford, 1987. P. 208.

⁴⁷ Цит. по: *Brown A.* Op. cit. P. 193.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Цит. по: *Hatefield R.* Cosimo de Medici and the Chapel of his Palace // Cosimo «il Vecchio» de Medici, 1389–1464: Essays in commemoration of the 600th anniversary of Cosimo de Medici's birth. Oxford, 1992. P. 3.

⁵⁰ *Gombrich E.* Renaissance and Golden Age // Norme and Form. L., 1966.